

П.А. Лапин*

**Поездка надворного советника А.Я. Брандта
по Китаю в 1907–1908 гг. «для надзора
за делом преподавания русского языка»**

АННОТАЦИЯ: Важным содержанием внешней политики мировых держав в отношении Цинской империи во второй половине XIX — начале XX вв. было укрепление их гуманитарного присутствия с целью формирования прослойки людей, лояльно настроенных к иностранцам, разделявших и принимавших их взгляды, и одним из инструментов такой политики было преподавание китайцам иностранных языков. Российская империя в деле распространения в Китае русского языка и знаний о себе существенно отставала от других передовых государств. Лишь в начале XX в. по линии отечественных дипломатических учреждений начали предприниматься первые попытки наладить системное преподавание родного языка в китайских учебных заведениях, с целью чего в 1907–1908 гг. была организована инспекционная поездка надворного советника А.Я. Брандта по русско-китайским школам. Экспедиция стала важным шагом по упорядочиванию процесса преподавания русского языка в Китае, но с точки зрения разработки долгосрочной и более эффективной гуманитарной политики оказалась мало результативной, в том числе по причине изменения внешнеполитических приоритетов самой Российской империи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Цинская империя, русский язык в Китае, иностранное образование, российско-китайские гуманитарные связи.

В конце XIX — начале XX вв. по мере втягивания Цинской империи в международные дела шло преобразование китайской

---

* Лапин Павел Андреевич, к.и.н., руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства России в Китае; E-mail: waijiao2000@mail.ru

образовательной системы, которая всё больше ориентировалась на подготовку специалистов, наделённых практическими знаниями и умениями. Большое внимание уделялось преподаванию иностранных языков, в том числе русского, овладение которыми давало китайским подданным возможность более успешно заимствовать передовой зарубежный опыт, научные знания и технологии. Перечень иностранных языков определялся степенью интенсивности контактов Пекина с конкретными государствами, а также, что более важно, активностью иностранцев по лоббированию своих политических и экономических интересов в Китае.

Укрепление своего присутствия в Цинской империи путём реализации сбалансированной гуманитарно-образовательной политики, таким образом, являлось важным приоритетом мировых держав. Стараниями официальных представителей японского двора, например, «всюду [в Китае], где только возможно, посажены японские учителя по всем специальностям и открыто множество частных японских школ» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 9]. Важную роль в деле развития в Китае иностранного образования также играли европейцы и американцы. Работа здесь в основном велась по линии миссионерских организаций, создававших духовные учебные заведения, которые давали «солидное общее образование, основательно знакомя их (китайских учащихся. — П..Л.) в то же время с тем или другим иностранным языком» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 9об].

Менее успешной в деле распространения знаний о себе, похоже, была Россия. Несмотря на то, что именно русский язык стал первым из европейских языков официально преподаваться в специально открытой ещё в 1708 г. при китайском дворе Школе русского языка при Дворцовой канцелярии (кит.: *Нэйгэ элосы вэнь гуань* 内阁俄罗斯文馆), впоследствии системной работы по продвижению родного языка в Китае не проводилось. Имевшиеся в то время в империи в незначительном количестве школы русского языка появлялись во многом стихийно, а их судьба определялась личным отношением местных администраторов к России, их краткосрочными коммерческими и военно-стратегическими интересами.

Активная деятельность по расширению преподавания русского языка в Китайской империи была начата только в первые годы XX в. В 1906 г. российский посланник в Пекине Д.Д. Покотилев (1865–1908)¹ предложил российским властям «обратить ныне же серьёзное

---

¹ Дмитрий Дмитриевич Покотилев — выдающийся российский востоковед, дипломат. Родился 1 августа 1865 г. в Петербурге в семье военного. В 1887 г. окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского универ-

внимание на упорядочение дела преподавания русского языка на первое время хотя бы только в существующих уже школах» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 15об]. По данным, которыми располагало российское дипломатическое представительство, на тот момент общее количество китайских учебных заведений, где велось преподавание русского языка, не превышало и десяти.²

Было принято решение организовать объезд школ, где преподавался русский язык, чтобы «ознакомиться с положением этого дела в каждом отдельном учреждении». В качестве инспектора Д.Д. Покотилов предложил старшего преподавателя Школы русского языка при КВЖД, чиновника особых поручений Министерства финансов, надворного советника Алексея Яковлевича Брандта. Российские власти, видимо, не желали придавать предстоящей экспедиции официальный характер, поэтому Брандт должен был представляться сотрудником Русско-китайского банка. Действуя от имени не российского дипломатического представительства, а финансовой организации, инспектор, надо думать, мог бы несколько улучшить предположительно предвзятое к себе отношение, поскольку ему, кроме общего изучения ситуации в учебных заведениях, также вменялось в обязанности изучить вопрос «возможности заменить русскими учителями китайцев, ныне преподававших и притом весьма неудовлетворительно во второстепенных школах русский язык» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 16]. Приглашённые российские преподаватели, по замыслу российского посланника, обучали бы не только родному

ситета, в декабре того же года направлен в Пекин в качестве студента Российской дипломатической миссии, в апреле 1891 г. назначен управляющим российским консульством в Фучжоу (провинция Фуцзянь). В апреле 1905 г. получил высокий пост чрезвычайного и полномочного министра в Пекине. Скончался в Пекине 23 февраля 1908 г. Внёс значительный вклад в реализацию внешнеполитического курса России в Цинской империи, своевременно доставлял в российскую столицу важнейшие сведения о внутренней ситуации в Китае, соперничестве иностранных держав в регионе. Уделял большое внимание укреплению российского гуманитарного присутствия в этом восточном государстве, активно работал над распространением русского языка и знаний о России среди местных подданных (подробнее о жизни и деятельности Д.Д. Покотилова см., например: [Хохлов, 2011, с. 36–54]).

² Школа Китайской Восточной железной дороги и Школа переводчиков в Пекине, Школа переводчиков русского и французского языков в Тяньцзине, Военная школа низшего разряда в Калгане (совр. Чжанцзякоу), Школа переводчиков в Учане, Цзинчжоу и Кантоне (совр. Гуанчжоу), Провинциальная школа в Чанше и Университет в Ланьчжоу [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2045, л. 19].

языку, но и необходимым общеобразовательным предметам [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 16]. Кроме этого, наличие россиян в важных районах Китая позволяло бы решать важные стратегические вопросы, так как «рассеянные по разным школам русские преподаватели могли бы при сколько-нибудь удачном подборе их явиться весьма полезными агентами в смысле доставления всякого рода сведений» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 16об].

Если экспедиция Брандта в итоге была бы признана удачной, то впоследствии имелось в виду назначить его куратором китайских учебных заведений по преподаванию нашего языка, обязав «объезжать все школы, давая учителям нужные указания и советы и наблюдая вообще за всем ходом дела преподавания» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 16об]. Поездка, по планам Д.Д. Покотилова, могла продлиться до шести месяцев.

Встал вопрос о финансировании предстоящих мероприятий. Необходимые на эти нужды средства российский посланник планировал запросить у властей в Петербурге и россиян, которые вели коммерческую деятельность в Китае, понимая, что «при оценке целесообразности и практичности расходов на подобное дело необходимо понимать ту громадную пользу, которую должно иметь для нас развитие преподавания русского языка и знакомства с Россией среди китайцев» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 16]. В мае 1906 г. в российскую столицу была направлена депеша с предварительным финансовым расчётом планируемой экспедиции. По общим оценкам главы российской миссии, на подготовку и проведение самой поездки Брандта потребовалось бы до 6 тыс. рублей, на оплату работы китайского делопроизводителя, который сопровождал бы россиянина в пути, а потом обеспечивал его работу в качестве куратора русско-китайских школ, — ещё 12 тыс. рублей в год, на жалованье для планируемых шестерых российских преподавателей — также 12 тыс. рублей в год и на другие непредвиденные расходы — ещё одну тыс. рублей в год. Общие затраты на «упорядочение преподавания русского языка в десяти школах собственного Китая» в первый год осуществления намеченных мероприятий составили бы, таким образом, 31 тыс. рублей [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 17, 55].

МИД России высоко оценил предложение российского посланника. Началась работа по формированию необходимого бюджета, который, по представлениям внешнеполитического ведомства, был довольно объёмным. В июне 1906 г. на первый запрос МИД в Министерство финансов последовал отказ в выделении средств, предлагалось «покрытие вызываемых предположениями Покотилова расходов» решать «в общесметном порядке» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491,

д. 2042, л. 37]. Пока шла переписка между двумя ведомствами, посланник не переставал отстаивать идею преобразования системы преподавания русского языка в Китае. Уже в октябре 1906 г. он направил в МИД новую секретную депешу с вопросом: «будет ли дан какой-либо ход моему представлению об упорядочении преподавания русского языка в китайских училищах» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 53].

Активная работа Министерства иностранных дел и личная переписка между тогдашними министрами иностранных дел и финансов А.П. Извольским и В.Н. Коковцевым в итоге позволила убедить Совет министров в необходимости выделить из государственной казны российскому внешнеполитическому ведомству вне основной сметы дополнительные ассигнования. 25 ноября 1906 г. поступило «высочайшее соизволение» Николая II на предложение министра финансов, который в тот же день проинформировал МИД о готовности ассигновать в первом полугодии 1907 г. 6 тыс. рублей на экспедицию Брандта, а во втором полугодии 1907 г. — еще 12,5 тыс. рублей на остальные нужды. С 1908 г. имелось в виду отпускать по 25 тыс. рублей в год на деятельность куратора русско-китайских школ в Китае и жалование шестерым российским преподавателям, которые будут работать в этих учебных заведениях [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 59, 65].

Обращает на себя внимание то, что МИД выделял средства «в порядке, установленном для разрешения секретных кредитов», а в бюджете Российского посольства эта статья расходов была включена в перечень секретных ассигнований на осуществление разведывательной деятельности в Китае, причём объёмы финансирования гуманитарных мероприятий были во многом сопоставимы с оперативной работой.³ Это наглядно демонстрировало то, насколько серьёзное внимание власти в России уделяли реализации своей культурно-образовательной политики в Цинской империи, распространению русского языка и знаний о себе, формированию положительного имиджа Российской империи, снижая тем самым возможные негативные последствия от реализуемой там внешней политики, обеспечивая стабильность на своих дальневосточных границах.

Вопросы финансирования были решены, и весной 1907 г. Брандт направился в поездку по китайским учебным заведениям, где велось

---

³ Если на содержание разведывательной агентуры в самом Китае и Монголии выделялось в год по 19 тыс. рублей, то на упорядочение преподавания русского языка с 1908 г. — 25 тыс. рублей в год [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 139].

преподавание русского языка. К ноябрю того же года удалось посетить лишь школы, расположенные в северной и центральной части Китая, школы Южного Китая планировалось посетить в 1908 г. [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 109–109об]. При посещении летом 1907 г. китайского города Ханькоу в провинции Хубэй, где российские коммерсанты вели активную чайную торговлю, Брандтом было инициировано открытие Русско-китайской школы коммерческих знаний. В 1908 г. ранее запланированную поездку в южные провинции решено было отложить «за отсутствием у нас там политических интересов» и вследствие экономии средств, взамен чего предлагалось организовать экспедицию Брандта в Западный Китай и Маньчжурию [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 120об].

К концу лета 1908 г. поездка Брандта по Китаю была завершена, 1 сентября того же года он подготовил итоговый отчёт, снабдив его «Ведомостью, подлежащих русской инспекции китайских школ, в коих преподаётся русский язык» (подробнее отчёт А.Я. Брандта — см. Приложение) [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 128–132об].

Как следует из доклада чиновника, за период с 1907 по 1908 гг. он посетил шесть китайских учебных заведений, в которых преподавался русский язык. Школы располагались в местах наиболее активной деятельности российских политических и коммерческих представителей — городах Пекине, Тяньцзине, Учане и Ханькоу (провинция Хубэй), Гирине (совр. город Цзилинь, провинция Цзилинь) и Чифу (совр. город Яньтай, провинция Шаньдун). Обращает на себя внимание то, что Брандту удалось укомплектовать все эти учебные заведения российскими преподавателями, которые имели довольно высокий образовательный ценз — являлись студентами или выпускниками Восточного факультета Санкт-Петербургского университета и Восточного института. В общей сложности там преподавали десять россиян [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 131об].

Общее количество учащихся во всех проинспектированных учебных заведениях на середину 1908 г. составило 355 человек. Причём лишь в одну Школу коммерческих знаний в Ханькоу в 1907 г. поступили более 200 учащихся, правда к 1908 г. там остались всего 35 китайских слушателей и ещё 20 россиян, изучавших китайский язык [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 132; АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2045, л. 5].

Все школы существовали на средства китайских властей, за исключением Школы коммерческих знаний в Ханькоу, которую финансировали российские чайные дома, ведущие деятельность в городе, а также Русско-китайский банк. Разовую финансовую поддержку при её учреждении в 1907 г. оказало Министерство иностранных дел.

Жалованье российских преподавателей в школах, которые финансировались за счёт китайской казны, было порядка 3 тыс. лянов серебра в год. По всей видимости, максимальная ставка была у самого Брандта (3,6 тыс. лянов серебра в год), минимальная — у студента-практиканта Восточного института некоего Чирскова, который преподавал в школе «Юй-цай» в Чифу. С ним был заключён четырёхлетний контракт, по условиям которого ему платили по 210 долл. в год (за четыре года — 840 долл.), что являлось крайне низким содержанием, поэтому за счёт российской казны преподавателю ежемесячно доплачивалось ещё по 80 долл. [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 131об–132об].

Это был единственный доклад А.Я. Брандта относительно дел по организации преподавания русского языка в Китае. Не исключено, что вскоре после первой экспедиции работа на этом направлении была свёрнута. В 1914 г. Брандт по приглашению китайских властей поступил на службу «советником по юридическим делам», а в августе того же года получил повышение в России в Министерстве финансов, став чиновником особых поручений V класса в ранге статского советника [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2050, л. 16]. Минфин при зачислении Брандта на новую должность и расчёте его жалованья направил на имя тогдашнего министра иностранных дел С.Д. Сазонова запрос с просьбой уточнить, «предполагается ли и на будущее время сохранить за ст. сов. Брандтом» надзор «за преподаванием русского языка в китайских школах» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2050, л. 7об]. Такой вопрос у Минфина возник в связи с тем, что «в доставленных мне (министру финансов П.Л. Барку. — *П.Л.*) по сему делу документов» о деятельности Брандта на посту куратора русско-китайских школ ничего не упоминалось.

Дальнейшую судьбу первого куратора русско-китайских школ в Китае проследить довольно сложно. Брандт воевал на фронтах Первой мировой войны, в 1915 г. в звании штабс-капитана руководил Гродненским авиационным отрядом. Вполне возможно, что в ходе военных действий погиб или пропал без вести, по крайней мере, по данным Российского общества Красного Креста в Петрограде, начиная с мая 1915 г. точное местонахождение Брандта установить не представлялось возможным [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2050, л. 24].

Такова была история поездки надворного советника А.Я. Брандта по русско-китайским школам с целью усовершенствования преподавания в Цинской империи русского языка. Это была важная инициатива российских властей, чёткая и последовательная реализация которой впоследствии могла бы усилить гуманитарное присутствие нашего государства в этом регионе.

Предложение Д.Д. Покотилова об организации экспедиции было воспринято в российской столице весьма позитивно. Финансирование осуществлялось по решению российского монарха, сами размеры ассигнований превышали объёмы финансирования одного из важнейших стратегических направлений деятельности российских властей в Китае — разведывательного. При этом Россия вела там уверенную военно-политическую деятельность, в основе которой лежала своевременная и достоверная оперативная информация.

Объективно оценивая свой людской потенциал и финансовые возможности, власти в Санкт-Петербурге первоначально решили ограничиться изучением ситуации с преподаванием русского языка в уже существующих учебных заведениях. Полученные данные имелись в виду использовать в интересах систематизации деятельности школ (хотя бы в масштабах проинспектированных учебных заведений), разработки единой программы обучения. Такой подход позволил бы обеспечить в целом сопоставимый уровень подготовки учащихся, тем самым создав благоприятные условия для изучения ими русского языка в учебных заведениях более высокой ступени. Реализация образовательного стандарта вменялась в обязанности куратора русских школ в Китае, учреждение поста которого само по себе являлось важным нововведением российских администраторов.

В ходе поездки Брандту удалось заменить преподававших в школах русского языка китайских преподавателей на россиян. Китайские наставники ввиду их неудовлетворительной подготовки были неспособны на должном уровне преподавать русский язык. С появлением же учителей из числа россиян, имевших высокий образовательный ценз, связывалось не только повышение качества преподавания языка, но и возможность через них укрепить российское присутствие в конкретных китайских городах, создать конкуренцию в отношении других иностранных преподавателей, привлечь потенциальных учащихся именно в школы русского языка. Наши представители в китайских регионах также рассматривались в качестве потенциальных информаторов, доставлявших ценные данные о ситуации на местах. На российских учителей, таким образом, делалась большая ставка, именно поэтому в особых случаях, когда школьных средств было недостаточно, нашим соотечественникам доплачивалась часть их жалованья за счёт российских властей.

Поездка Брандта также содействовала преобразованию самой школьной инфраструктуры. Благодаря контактам российского куратора с нашими коммерсантами в Ханькоу была открыта специализированная школа, выпускники которой впоследствии должны были

обеспечивать интересы российских чайных компаний на китайском рынке.

Оценка экспедиции Брандта тем не менее вряд ли может быть однозначной. При её подготовке из плана объезда по каким-то причинам был исключён ряд учебных заведений, по своему статусу ничем не отличавшихся от школ, которые российский куратор посетил. Брандт в течение неполных двух лет побывал лишь в шести школах, хотя такие же учебные заведения функционировали в Хайларе, Харбине, Калгане, Улясутае, Шанхае и «в таких удалённых пунктах, как Цзинь-чжоу фу, Кантон, то есть к югу от бассейна Янцзы, далее которого русские торговцы решительно никогда не простирали своей деятельности» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2045, л. 4об]. Россия имела в этих районах свои военно-политические и коммерческие интересы и поощрение изучения там русского языка было бы для неё весьма кстати. Не исключено, что это была первая экспедиция, организованная в пока хорошо доступные и, с точки зрения российского двора, приоритетные места, а может быть, в дальнейшем имелось в виду продолжить такие объезды. Но на момент завершения первой поездки Брандта о подготовке следующей экспедиции речи не велось.

Нет также данных о том, как была организована последующая работа даже с проинспектированными школами. Видимо, все новшества, привнесённые Брандтом, и ограничились заменой преподавателей, которые, кстати, имели срочные трудовые договоры, по истечении которых вполне могли быть отстранены от образовательного процесса, а на их место зачислены прежние китайские наставники с низким жалованьем, наиболее выгодным для школьной администрации.

Активная работа по распространению русского языка после первой поездки Брандта по Китаю в 1907 г. российским двором, по всей видимости, так и не проводилась, что ограничивало возможности России по формированию в Китае благоприятной социальной среды. «Представляется совершенно ясным, что ныне существующие в Китае учебные заведения с классом русского языка, — отмечалось в депеше российского посольства в Пекине в марте 1908 г., — даже при условии самой совершенной в них постановки преподавания могут дать лишь скромные результаты и уж ни в коем случае не могут служить достаточным противодействием» гуманитарному влиянию других государств [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2045, л. 19об–20].

Довольно слабая гуманитарная политика России в отношении Китая в первые десятилетия XX в., по всей видимости, объяснялась сложностями, с которыми столкнулось наше государство в указанный период. Менялись внешнеполитические ориентиры империи. Россия

вступила в Первую мировую войну, выстраивая новую военную дипломатию в Европе. Внутриполитическая обстановка в России также была весьма напряжённой: усиливалось революционное движение, учащались антигосударственные выступления. В этой ситуации поощрение преподавания русского языка в Китае, который после революционных событий 1911–1912 гг. и сам был крайне нестабильным, для российских властей на какое-то время перестало быть приоритетной задачей.

В целом поездка Брандта по школам русского языка в Китае стала важным начинанием российских властей, нацеленным на усиление российского гуманитарного присутствия в этом государстве, однако последующая реализация этой инициативы оказалась невозможной, в том числе в силу объективных причин, сложившихся в России.

Приложение

Докладная записка чиновника особых поручений Министерства финансов, надворного советника [А.Я.] Брандта от 1 сентября 1908 г.⁴ (фрагмент)

По поручению Вашего Превосходительства имею честь доложить Вам по вопросу о настоящем положении дела инспекции над преподаванием русского языка в китайских школах и о предлагаемом мною дальнейшем развитии этого дела нижеследующее:

В минувшем 1907 году ввиду последовавшего со стороны Министерства иностранных дел одобрения представленного покойным Посланником в Пекине Д.С.С. Покотиловым проекта урегулирования дела преподавания русского языка в китайских школах я был командирован Д.С.С. Покотиловым объехать китайские школы, в которых преподаётся русский язык. Главной задачей мне было поставлено принять все меры к тому, чтобы добиться от китайских властей в тех школах, где русский язык преподают китайцы, заменить их русскими преподавателями. Вместе с тем ввиду особого значения порта Ханькоу для русских торговых интересов, мне было поручено переговорить с представителями местных русских чайных фирм о желательности в целях упрочнения нашего мирного влияния в этом пункте, сближения с китайцами и подготовки образованных служащих для нужд русских чайных фирм учреждения в Ханькоу русско-китайской школы на средства русского купечества

---

⁴ АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 128–129об.

при некоторой материальной поддержке со стороны Министерства иностранных дел.

Из представляемой при сем ведомости Ваше превосходительство изволит ознакомиться с настоящим положением подлежащих инспекции китайских школ, в которых преподаётся русский язык.

Из ведомости этой видно, что поддержкой из русских правительственных сумм пользуются: русский учитель в школе Юй-цай в Чифу и Русско-китайская школа коммерческих знаний в Ханькоу.

Что касается Чифу, то нужно сказать, что основанием к приглашению в местную школу русского учителя было главным образом желание иметь в этом порте, где за последние годы особенно усилилась японская деятельность, лишнего русского работника, который, с одной стороны, парализовал бы влияние японцев в местной школе, с другой стороны, являлся бы деятелем на поприще наблюдения за местной жизнью, в частности, и изучением китайского языка и Китая вообще.

После долгих настояний вице-консула в Чифу г. Кристи удалось добиться от китайских властей согласия на приглашение в местную школу русского преподавателя. Но ввиду крайне ограниченных средств этой школы китайцы предложили ему лишь 70 долларов в месяц (учитель японец получает 40 лян). Так как на столь малое содержание было бы невозможно найти русского учителя, то было признано возможным доплачивать преподавателю из кредита на учебное дело сначала по 55 долларов, а с 1908 года — по 80 дол[ларов].

Переходя к деятельности учителя этой школы г. Чирскова, должен сказать, что он является вполне подходящим для этого пункта работником. При всей неудовлетворительности постановки школы Юй-цай, каковой страдает большинство китайских школ, особенно провинциальных, при всех школьных неурядицах и распушенности учеников г. Чирскову за полтора года своего пребывания в Чифу удалось добиться весьма порядочных успехов учеников, приобрести их симпатии и добиться уважения со стороны школьной администрации. Вместе с тем, интересуясь страной, г. Чирсков всё свободное время посвящает изучению китайского языка и работам по Китаеведению, из которых уже есть готовые к печати.

Всё это свидетельствует, что расходы с нашей стороны на поддержку русского учителя в Чифу не являются затраченными даром деньгами и представляются не менее желательными и продуктивными в будущем.

Переходя к Русско-китайской школе коммерческих знаний в Ханькоу, следует сказать, что школа эта, основанная на средства

русских чайных фирм, так охотно отозвавшись на идею школы, заслуживает самого серьёзного внимания.

Помимо обучения китайцев русскому языку в целях, как мною объяснено выше, упорядочения нашего влияния в порте Ханькоу, мирного сближения с китайцами и подготовки образованных китайцев, служащих для нужд чайных фирм, в школе обращено внимание и на обучение местных русских резидентов китайскому языку. Так, в минувшем году в ноябре, одновременно с открытием занятий с китайцами, были открыты при той же школе бесплатные курсы китайского языка для русских резидентов Ханькоу. На курсы эти записалось 20 человек. Первое время занятия в школе и на курсах велись мной. По приезду учителя я возвратился в Пекин, где составлял для курсов особые лекции по китайскому языку, по которым и велись там занятия.

В декабре мин.[увшего] года школу посетил Министр торговли и промышленности Т.С. Шипов, написавший в школьной книге для почётных посетителей следующее:

«Искренно порадовался блестящей постановкой школы и удивлён был успехами учеников, за один месяц ими достигнутых. 8 дек.[абря] 1907 г.»

В июне тек.[ущего] года происходили в школе первые экзамены, показавшие превосходную подготовку учеников и отличные успехи. Из слушателей курсов китайского языка выразили желание подвергнуться экзамену 5 человек, которые показали хорошее знание пройденных лекций, свободно разбирались в иероглифах и правильно составляли несложные фразы по разным предметам.

Относительно Ханькоуской школы следует ещё сказать, что она поставлена под наблюдение особого школьного комитета, в состав коего входят представители фирм, участвующих в деле школы, — по двое от каждой фирмы, представитель местного отделения Русско-китайского банка и инспектор русско-китайских школ.

Такая постановка дела гарантирует и в будущем процветание школы и серьёзные её заслуги на почве нашего сближения с китайцами и ознакомления русских с Китаем, его жизнью и языком. Покойный Д.С.С. Покотиллов предполагал выдавать в пособие Ханькоуской школы из кредита на учебное дело по 1500 долларов в год. Пособие в этом размере было выдано школе за 1907 год минувшей зимой.

При такой постановке школы, заявившей себя за небольшой промежуток прекрасными успехами, при серьёзных задачах, какие она преследует, позволяю себе выразить крайнюю желательность дальнейшей поддержки школы со стороны Министерства иностранных дел в виде ежегодного пособия в 1500 долларов.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Империи (АВП РИ). Фонд 143 («Китайский стол»), опись 491, док. 2042 («Проект Посланника в Пекине Покотилова учредить в Китае русские школы. О получении молодыми китайцами высшего образования за границей вообще»), 1899–1911.
2. Архив внешней политики Российской Империи (АВП РИ). Фонд 143 («Китайский стол»), опись 491, док. 2045 («Русские школы в Китае»), 1907–1908.

P.A. Lapin*

Tour of the court counsellor A.Y. Brandt to China in 1907–1908 “for supervision of the Russian language teaching”

ABSTRACT: The important aspect of the Great Powers’ foreign policy regarding the Qing Empire in the second half of the 19th — the early 20th century was strengthening of their humanitarian presence to form a social group of people tolerant to the foreigners, ready to share and accept their views. The Russian Empire was lagging behind other leading powers in spreading the Russian language and knowledge about itself in China. Only at the beginning of the 20th century Russian diplomatic bodies started to make first efforts to organize comprehensive teaching of the Russian language in Chinese schools. For this purpose, in 1907–1908 court counselor A.Y. Brandt’s inspection tour to Russian-Chinese schools was organized. The expedition became an important step in regulating the teaching process of the Russian language in China, but from the aspect of working out a long-term and more effective humanitarian policy it turned out to be low-performing because of changes in the priorities of foreign policy in the Russian Empire itself.

KEYWORDS: the Qing Empire, Russian language in China, foreign education, Russian-Chinese humanitarian ties.

* Lapin Pavel Andreevich, PhD (History). The second secretary Head of the Humanitarian cooperation and Mass-media office of the Russian Embassy to China; E-mail: waijiao2000@mail.ru